

*А. Н. Черняков*

## ЛАТЕНТНАЯ ОЦЕНКА В ИНФИНИТИВНОМ ПИСЬМЕ

*Анализируются некоторые результаты эксперимента по моделированию читательского восприятия модальной семантики инфинитивного письма. Устанавливается, что читательская интерпретация ИП опирается не столько на «грамматику поэзии», сколько на коннотативную семантику поэтического контекста.*

*The article deals with the results of an experiment on modelling the reader's perception of infinitive writing modal semantics. The author argues that the reader's interpretation of infinitive writing bases on connotation semantics of a poetic text rather than on the 'grammar of poetry'.*

**Ключевые слова:** лингвопоэтика, инфинитив, письмо, модальность, оценка.

**Keywords:** linguopoetics, infinitive, writing, modality, evaluation.

1. Русское инфинитивное письмо (далее ИП) стало предметом специального анализа в цикле статей А.К. Жолковского. Устанавливая хронологические границы ИП «по крайней мере, с Кантемира» [1, с. 188] и возводя его поэтическую генеалогию к различным источникам — от монолога Гамлета как одной из основных областей заимствования [Там же] до влияния Ф.Т. Маринетти и грамматического строя китайской классической поэзии на В. Шершеневича [4], — исследователь отмечает:

Автономные инфинитивы оказываются носителями особого «медитативно-альтернативного» наклонения, не зафиксированного в «Академической грамматике»... представляющего оригинальный вклад поэзии в языковой репертуар [1, с. 188]; ИП трактует о некоей виртуальной реальности, которую поэт держит перед мысленным взором, о некоем «там». <...> Общий семантический ореол всего корпуса ИП — это, в неизбежно схематизирующей рабочей формулировке, «медитация о виртуальном ино-бытии» [3, с. 251].

Как показывает Жолковский, ИП может быть рассмотрено в качестве одной из регулярных поэтических стратегий-инвариантов, как «система вариаций на единую центральную тему» [Там же]. Об этом свидетельствует тот факт, что конкретные текстуальные реализации ИП не только пересекаются в семантическом ореоле данной техники, но и объединяются вполне устойчивой *топикой* — к числу таких «общих мест» инфинитивности исследователь относит мотивы «виртуального иного», «бытия / жизни», «протеизма», «любовного тяготения», «сосредоточенности на объекте» [3], а в более широкой перспективе — тиражируемые мотивные структуры «жизненный цикл», «перемещение, переезд, метаморфоза», «типы смерти», «альтернатива», «вуаеризм», «мать, детство, родина», «века, эпохи» [2].

При всей исчерпывающей полноте и справедливости наблюдения Жолковского, в очередной раз подтверждающие справедливость мысли

Р.О. Якобсона о том, что «от грамматической ткани поэтического языка зависит его действительная значимость» [5, с. 84], на наш взгляд, не дают ответа на следующие важные вопросы: как воспринимается семантика регулярных инфинитивных серий в поэзии читателем? насколько модальная «неопределенность» инфинитивного предложения оказывает влияние на читательскую рецепцию? и наконец: грамматическая или лексическая семантика предопределяет направление этой рецепции?

2. Пытаясь ответить на эти вопросы, мы провели эксперимент, в ходе которого студентам-филологам III курса было предложено соотнести отдельные микроконтексты четырех весьма разнородных стихотворений с сильно выраженной инфинитивной установкой («Февраль. Достать чернил и плакать...» Б. Пастернака, «Грешить бесстыдно, непробудно...» А. Блока, «Цветы Верояни» Д. Ревякина, «Сделать себя из камня...» О. Гаркуши) с типовыми модальностями (волеизъявления, целесообразности, желательности) и позициями субъекта («я», «ты», «любой») инфинитивного предложения. Анализ результатов эксперимента не только показал достаточно высокую неоднородность интерпретации модальных и субъектных семантик ИП читателем, но и позволил говорить о том, что эта интерпретация опирается не столько на «грамматику поэзии», сколько на коннотативную семантику контекста в целом. В настоящей статье мы продемонстрируем, как через грамматическую интерпретацию поэтического текста проявляет себя оценочность – может быть, неосознанная – читательской рецепции, заданная некоторыми особенностями воспринимаемых текстов.

3. В эксперименте приняли участие 44 респондента. Были заданы следующие «отправные точки» в моделях интерпретации модальности: «волеизъявление» – *не шуметь*; «целесообразность» – *вот теперь-то себя и показать*; «желательность» – *заснуть и забыться*. Допущена возможность «двойных» интерпретаций (соотнесение одного микроконтекста с разными модальными значениями) и «невозможности интерпретации» (респондент не может соотнести микроконтекст ни с одним из предложенных модальных значений – такие интерпретации отнеслись в графу «?»). Ниже приведены данные по читательской интерпретации одного из предложенных стихотворений.

**Неоднородная интерпретация:  
30 респондентов**

*Грешить* бесстыдно, непробудно,  
Счет *потерять* ночам и дням,  
И, с головой от хмеля трудной,  
*Пройти* сторонкой в божий храм.  
Три раза *преклониться* долу,  
Семь – *осенить* себя крестом,  
Тайком к заплеванному полу  
Горячим *прикоснуться* лбом.  
Кладя в тарелку грошик медный,

Волеизъявление	Целесообразность	Желательность	?
3	12	11	5
4	11	12	4
4	11	18	2
6	16	11	1
4	15	12	1
5	13	15	1

Три, да еще семь раз подряд  
*Поцеловать* столетний, бедный  
 И зацелованный оклад  
 А воротясь домой, *обмерить*  
 На тот же грош кого-нибудь,  
 И пса голодного от двери,  
 Икнув, ногою *отпихнуть*.  
 И под лампадой у иконы  
*Пить* чай, отщелкивая счет,  
 Потом *переслюнить* купоны,  
 Пузатый отворив комод,  
 И на перины пуховые  
 В тяжелом *завалиться* сне... —  
 Да, и такой, моя Россия,  
 Ты всех краев дороже мне.

А. Блок

**Однородная интерпретация:**  
 14 респондентов

8	12	12	—
5	14	11	4
7	9	9	6
4	10	15	1
3	13	13	1
2	11	17	1
—	7	6	1

4. На уровне рабочей гипотезы предполагалась возможность двух схем модальной интерпретации ИП реципиентом: «однородной» — прочтения стихотворения целиком в одном модальном плане — и «неоднородной» — соотнесения разных микроконтекстов с разными модальными значениями. Сопоставление этих двух схем интерпретации применительно к хрестоматийному стихотворению Блока дает нам первый, *поверхностный*, уровень обобщения данных эксперимента.

И здесь прежде всего приходится констатировать, что, даже если ИП связывается автором текста с одним полем модальных значений (а в данном случае это очевидно), такая модальная однородность текста может идентифицироваться реципиентом далеко не всегда. Так, в тексте Блока ИП представляет собой способ уйти от «привязки» к конкретным модальностям и обобщить позицию субъекта речи как «любого»; строго говоря, перед нами мнимая инфинитивность — семантика текста, вопреки грамматической неоднозначности, развертывается в индикативе, как семантика обобщенно-личного предложения («[Мы] грешим бесстыдно, непробудно...»). На уровне моделирования читательского восприятия это позволило бы ожидать, что большая часть респондентов соотнесет содержащиеся в тексте инфинитивы с последней колонкой, исключающей возможность описать текст через модальности волеизъявления, целесообразности или желательности. Однако данные эксперимента показывают, что путь «однородной» интерпретации избрала лишь треть респондентов, причем их восприятие распределилось практически поровну между значениями «целесообразность» и «желательность» (7: 6). Очевидно, уже это обстоятельство говорит нам о том, что роль «грамматики поэзии» в формировании художественного смысла воспринимается «средним» читателем не столь ак-

тивно и однозначно, как того хотелось бы видеть с сугубо аналитических позиций. Или — с другой стороны: *не вводит ли сама грамматика читателя в заблуждение?*

5. Или — с третьей стороны: *не воспринимает ли читатель художественную семантику целостно, «пробрасывая» ее через особенности грамматической организации текста post factum?* Данные эксперимента, рассмотренные на втором, *глубинном*, уровне, кажется, располагают именно к такому ответу. Во-первых, обратим внимание на то, что ни один из респондентов не предложил «однородной» интерпретации текста в плане семантики волеизъявления, а соотнесение отдельных микроконтекстов с этой модальностью явно мало по сравнению с модальностями целесообразности и желательности. И это вполне объяснимо: воспринимать изображенную символистом Блоком ситуацию как «требуемую к исполнению» было бы слишком уж парадоксально. Но вместе с тем такое восприятие, в силу своей окруженности позитивными «сакральными» коннотациями, вполне может допускать микроконтекст «*Поцеловать столетний, бедный / И зацелованный оклад*», что и демонстрирует соответствующая позиция в таблице (восемь интерпретаций).

Далее: почему при общей «незадействованности» последней колонки («невозможность интерпретации» / «иная интерпретация») относительно высокие результаты здесь дают первая и девятая позиции («Грешить бесстыдно, непробудно» и «Икнув, ногою отпихнуть»)? В первом случае это может быть мотивировано тем, что на момент «приступа к чтению» семантика текста лишь начинает формироваться, и интерпретировать ее адекватно реципиенту еще затруднительно, тем более решить, как оценивать первое названное действие «грешить» — как необходимое? целесообразное? возможное? В девятой же позиции такая оценка еще более затруднительна: негативные коннотации микроконтекста «*И пса голодного от двери / Икнув, ногою отпихнуть*» всячески препятствуют тому, чтобы видеть в названном действии однозначную модальную семантику (обратим внимание, что эта позиция дает наибольшие расхождения в интерпретации — 7: 9: 9: 6; тем любопытнее, что, с позиции реципиентов, предшествующее этому «*А воротясь домой, обмерить / На тот же грош кого-нибудь*» вполне допускает оценку в модальности целесообразности или желательности, 14: 11).

И наконец — о самых «сильных» по количественным показателям позициях текста. В завершающем первую строфу стихе «*Пройти стороной в божий храм*» 18 респондентов склонны усматривать «желательное» действие — вероятно потому, что именно здесь происходит первое значимое переключение с негативных контекстуальных коннотаций на позитивные. Следующие за этим «*Три раза преклониться долу, / Семь — осенить себя крестом*» преимущественно оцениваются (resp. интерпретируются) как действия «целесообразные» — ибо, пришедши в храм, *следует* придерживаться заведенного канона (хотя это — по инерции, развивающей конец предыдущей строфы — и не отменяет «желательности», ср.: 11 и 12 интерпретаций для соответствующих микроконтекстов). Между тем «*Тайком к заплеванному полу / Горячим*

*прикоснуться лбом»* уже предполагает больший выбор между «целесообразностью» и «желательностью» (13: 15), вполне возможно, из-за вновь возникающего напряжения между позитивными коннотациями описываемой ситуации и негативными коннотациями ее детализации. Так же почти одинаково «целесообразны» и «желательны» «*Пить чай, отщелкивая счет*» и «*Потом переслюнить купоны*» в пятой строфе; причем коннотативно более нейтральное «пить чай» — действие более «желательное» (15), чем содержащее коннотативную оценку «переслюнить купоны» (13). А 17 интерпретаций финального инфинитива в микроконтексте «*И на перины пуховые / В тяжелом завалиться сне*» как «желательного» действия вполне можно трактовать как неявное *желание читателя* вслед за автором «отречься», «отстраниться» от описываемой в тексте ситуации, чтобы затем выйти к финальной сентенции.

6. Суммируя комментарии к эксперименту, отметим, что наблюдения над читательским восприятием ИП позволяют по-новому осветить вопрос о значимости «грамматики поэзии» для «среднего» читателя. Отрицать эту значимость в принципе, конечно же, не приходится — хотя бы уже потому, что грамматическая организация поэтического дискурса оказывается весьма важным стимулом для активизации читательского «прохождения» по тексту. И вместе с тем требование к читателю отрефлексировать это «прохождение» неожиданно обнаруживает, что он не столько идет вслед за грамматикой, сколько пытается вписать ее в общую оценку семантики воспринимаемого текста.

#### Список литературы

1. Жолковский А. Бродский и инфинитивное письмо (Заметки к теме) // Новое литературное обозрение. 2000. №45. С. 187–198.
2. Жолковский А.К. Инфинитивное письмо и анализ текста: «Леиклос» Бродского // Жолковский А.К. Избранные статьи о русской поэзии: Инварианты, структуры, стратегии, интертексты. М., 2005. С. 460–488.
3. Жолковский А.К. Инфинитивное письмо: тропы и сюжеты (Материалы к теме) // Эткиндовские чтения: сборник статей по материалам Чтений памяти Е.Г. Эткинда (27–29 июня 2000 г.). СПб., 2003. С. 250–271.
4. Жолковский А.К. Об инфинитивном письме Шершеневича // Жолковский А.К. Избранные статьи о русской поэзии... С. 444–459.
5. Якобсон Р. Вопросы поэтики. Постскрипtum к одноименной книге // Якобсон Р. Работы по поэтике. М., 1987. С. 80–98.

#### Об авторе

А.Н. Черняков — канд. филол. наук, доц., РГУ им. И. Канта, a\_chernyakov@mail.ru

#### Author

Dr. A. Chernyakov — Associate Professor, IKSUR, a\_chernyakov@mail.ru